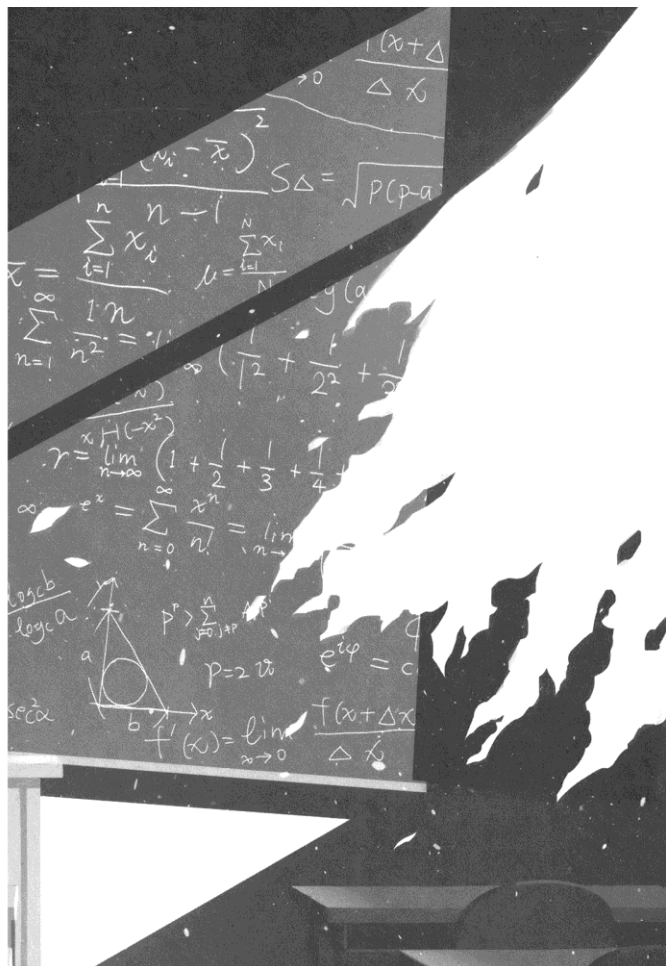

Owarimonogatari (Vol. 1)

Формула Оги

Ошино Ооги это Ошино Ооги.

Именно так любой разговор, связанный с этой переведённой ученицей, начинается и заканчивается. Если где-то всплыло её имя, то это автоматически означает, что обсуждать тут больше нечего. Естественно, человек это он сам и никто другой этого у него не заберёт. Ханэкава Цубаса это Ханэкава Цубаса, а Сендзёгахара Хитаги это Сендзёгахара Хитаги — и, конечно же, Арараги Коёми это Арараги Коёми. Тогда, следуя этой логике, Ошино Ооги это весьма Ошино Ооги. То есть её больше никак не описать, кроме как словами «Ошино Ооги».

«Неприятные вещи неприятны», «то, что бесполезно, — бесполезно» и «Ошино Ооги это Ошино Ооги». И достигнув этой точки в обсуждении, уже никуда не сдвинешься. С этим всё железобетонно. Она неестественно холодна и безэмоциональна. Да, это такая асимптота к «похоже на Ошино Ооги».

Кстати о математике, знаете ли вы самую красивую формулу в истории математики? О, не говорите, что даже не слышали. Подтолкну же вашу память. Вершина истории математики, самая красивая формула в истории человечества, это может быть лишь $e^{i\pi} + 1 = 0$ — тождество Эйлера. Формула, в которой красуется e , π , мнимая единица i , 1 и 0 в одной строке символов. Если и есть Бог, то эта божественная формула достойно выступает доказательством его существования.

Однако что даже более прекрасно в этой формуле, так это то, что она уже «решена и определена». В основе своей тождество Эйлера это не результат теории, а скорее открытие. Если бы, к примеру, человечества не существовало на Земле и ни в одном бы мозгу не промелькнула идеи числа π , мнимых чисел, единицы, нуля или основания логарифма, то всё равно, когда единицу прибавляешь к натуральному логарифму в степени π , умноженное на мнимое число i , получался бы ноль.

Это красота этого мира, однако развивая эту логику, в равной степени это и ужас. Нынешнее общество весьма смутно и неопределенно. Оно ограничено, изменчиво и постоянно перекраивает себя. Что было нормально для вчерашнего общества для сегодняшнего станет нелепым, правила для утра могут противостоять правилам вечера. От этих изменений в принципе никакого особого профита — они не основываются ни на чьих-то целях, ни на чувствах людей, так что мы можем лишь надеяться на чёрную пустоту, которая представляет собой наше будущее — так, по крайней мере, ощущается. Смысла нет в спорах, если оно реально чистый холст. Возможность того, что наше будущее предопределено с момента рождения, — ложь, мы просто не можем знать этого. Что, если неизвестен даже итог нашего непроглядного невежества?

Люди, которые не знают числа π , будут продолжать получать значение через отношение длины окружности к её диаметру. Даже если бы Эйнштейн не продемонстрировал нам с помощью быстроты своей мысли и гибкости ума существование Теории относительности, она всё равно была ещё задолго до него. Даже если пианист, не зная Бетховена, в точности воспроизведёт ноты Симфонии номер 5 С-минор, будет ли из-за этого другое впечатление от музыки? Если да, то этот пианист способен играть с теми же страстью и запалом, что и сам Бетховен. Если кто-то другой, не гений искусства Винсент Ван Гог, применит тот же художественный стиль, те же мазки, те же инструменты для рисования, окружит себя тем же пейзажем и нарисует тот же цветок с такого же ракурса — невероятно, но любой новичок сможет написать «Подсолнухи». Если обезьяне дать пишущую машинку, то однажды она сможет даже воспроизвести что-то похожее на Шекспира.

Ответ не изменится — предустановленные правила просто не изменяются.

Ощущение, что человек «изменился» или «переродился», не более чем славные иллюзии. На самом деле в игру вставили другую строку заранее предустановленного кода.

Ни в настоящем, ни в будущем ни один атом не движется случайно. Скорее всё чётко определено в невообразимо детальной манере. Остаётся лишь точно определённое, вроде «если действие совершается, оно совершится». Только высказывания, вроде «то, что бесполезно, — бесполезное» или «неприятное неприятно» истинно определены. Очевидные вещи неоспоримы и здесь ничьё мнение расшатать их не сможет. Идеи это лишь воспоминания, а изобретения просто новые открытия. Нет, эти открытия, наверное, даже просто переоткрытия — ответ на неразрешимо сложную проблему, за которым отчаянно гонишься, может уже лежать где-то ещё до того, как узнал об этой проблеме. Мой метод проб и ошибок со стороны выглядит как стойкое ковыляние к решению — был бы ещё зритель.

Зритель.

Может, даже некое чудище.

Вот какими словами может переведенная ученица Ошино Ооги честно высказать своё мнение о красоте тождества Эйлера:

— Да, оно определенно красиво, Арараги-сэмпай. Его красота настолько пленительна, что я готова упасть в обморок. И самое пленительное в этом тождестве, что в конце оно приходит к нулю. То есть, если ответ моего существования равен нулю, то не останется и следа упоминания. Не так напряжно высчитывать свою полезность.

Услышав этот ответ, я пришёл к выводу, что Ошино Ооги всё-таки Ошино Ооги, и никак по-другому её существование не опишешь. Всё, что стоит перед ней, приводится к нулю. Какое бы противоречащее её личности действие она не совершила, оно тут же станет частью её характера. В общем, нынешняя история про математику.

Поемся.

Слово «математика» часто заставляет людей чувствовать себя не в своей тарелке, так что я лучше скажу «история про арифметику». А если говорить ещё прямее, то история о числах. В любом случае это история о решении, сделанном на количестве чисел — другими словами, история основанная на концепте принятия решений большинством голосов.

Принятие решения большинством голосов.

Единственный способ воплотить ошибку в реальность. Принцип большинства — это не тот метод, который преследует всеобщее счастье, но достигает цели группы.

Способ неравенства — способ несправедливости.

Можно сказать, единственное, что изобрело человечество, и это самый отвратительный способ, известный ему.

002

Если вы когда-то оказывались запертым в таинственном классе с кохай, с которой вы только познакомились, больше, чем на час, я бы хотел попросить у вас совета. Естественно, телефон не ловит сеть и интернета нет, так что остаётся только искать помощи снаружи. Но, похоже, и это не удастся.

— Бесполезно... Арараги-сэмпай.

Она медленно подошла ко мне короткими шажками, пока я отчаянно обеими руками и ногами пытался открыть дверь.

Девушка вздохнула.

— Для ясности, я не имела в виду, что вы бесполезны, Арараги-сэмпай. Просто... Ни одно из окон не сдвинулось ни на миллиметр.

— Не беспокойся об этом. В такой ситуации я никак не подумаю, будто ты назвала меня бесполезным.

Смысл примечания вообще.

Слегка расстроенный я пробормотал:

— Всё же «бесполезно» это и про меня.

— Как и думала, всё-таки вы, Арараги-сэмпай, бесполезны.

— Ты точно это не нарочно? Звучит, будто я бесполезен.

Ооги-тян улыбнулась, будто показывая, что в этом никакого её намерения нет. Даже когда она ухмыляется от уха до уха, у меня ощущение, что Ооги совсем не из тех, кто отпускает остроты, так что я решил списать всё на недопонимание.

Похоже, придётся принять тот факт, что мы заперты в этой комнате без возможности выбраться. Работая в паре, мы с Ооги-тян обыскивали все возможные пути выхода из заточения этого класса. Я тщательно исследовал запертые двери, пока Ооги-тян по другую сторону класса осматривала окна.

— Двери не закрыты на замок. Скорее заклеены, будто тут цементом каким-то... — выдохнул я, разминая одеревеневшие после часа цепляния за дверь руки.

То, что после часа осмотров я смог выдать только такое, несколько неловко для меня как для сэмпая, но реальности это не отменяет.

В противовес моему состоянию Ооги-тян, переведённая ученица, только поступившая в Наоэцу, с улыбкой бодро осматривала свой участок.

— Как уже сказала, окна не сдвигаются ни на миллиметр. На каждом окне щеколда, и её легко снять. Ручка двигается свободно. Однако даже без замка окна не открываются. Так же, как и двери, будто приклеены цементом каким-то, — повторила она под конец мою фразу.

Уважает она меня так или издевается решу позже.

— И так со всеми окнами?

— Ага. Естественно, я проверила как могла. Я даже не схалтурила и проверила по два раза. Большое окно, высокое окно, окно в переходе, окно, выходящее на спортзал — все они закреплены.

Как и сказала Ооги-тян, окна не двигаются.

— Окно на спортзал...

Я повернулся к окну и поглядел в него. Если честно, реальная проблема это не моё заточение здесь, проблема в том, что лежит по ту сторону оконного стекла.

В пейзаже-то ничего необычного нет. Ад за окном не разверзся, никакие динозавры не бродят по зарослям и мир не утопает в огне. Видна просто старшая школа Наоэцу — только спортивный зал, где сейчас должна тренироваться баскетбольная команда, из которой ушла Камбару.

Однако звуков ударов мяча о землю не слышно — может быть, потому что в классе звукоизоляция. Тем не менее даже это меркло по сравнению с видом снаружи.

Нет, школа была действительно просто школой.

Ничего странного. Проблема в том, что мы действительно видели спортзал из окна, но он не должен быть виден из этого здания.

— Мы должны видеть спортплощадку отсюда.

Верно. Корпус, в который мы с Ооги-тян забрели, построен рядом со спортплощадкой, так что нам должны открываться другие клубы, а не баскетбольная команда.

Если б я мог, я бы высунулся в окно, чтобы лучше осмотреть окрестности, но раз окна не поддаются, то этот вариант не представляется возможным.

Что-то зловещее исходило от этого спортивного зала, который казался совершенно обычным.

Или я просто перепутал? Может, мы собирались перейти в корпус, который выходит на спортплощадку, но свернули не туда и забрели в здание, обращённое на спортзал... Забудь, чёрта с два я расскажу такое голимое объяснение кохай, с которой только познакомился!

Для начала мы должны быть на третьем этаже, так что угол, с которого нам открывается спортзал ненормален. Крыша спортзала будет видна только с пятого, ну хотя бы с четвёртого этажа. Теперь к учёту того, что мы где-то свернули не туда, нужно также принять во внимание возможность подняться не на тот этаж...

Однако даже если причина другого ракурса это простая ошибка, то нашего нынешнего положения оно не меняет.

Пока окна не открыть, на каком мы этаже проверить нельзя. И пока я размышлял над этой всей ситуацией, Ооги-тян заговорила:

— Думаю, уже давно пора.

— Давно пора? Для чего?

— Давно пора решить обратиться к грубой силе, вы понимаете, Арараги-сэмпай? Так мы будем голодать. Голодать, мучиться от жажды и в конечном счёте умирать.

— Ну, да...

Умереть голода это не такая срочная проблема, в принципе ещё рано беспокоиться об этом, однако если наше положение затянется, со временем проблема выскочит. Уверен, я-то выдержу в некоторой степени голод, но того же про Ооги-тян сказать не могу, она же ещё растёт.

— Но что ты имеешь ввиду под «грубой силой»?

Я оглянулся через плечо и понял, что она пытается сделать: Ооги-тян обеими руками держала парту над головой. Девушка будто сдвигала парту к стене, чтобы легче было подмести пол, как во время уборки, однако собиралась она совершить действие противоположное уборке.

— Поехали! — крикнула Ооги-тян и швырнула парту в окно.

Она бросила не в окно, ведущее в коридор, а в то, которое открывается на спортзал (должно на спортплощадку). Цитирую, что она сказала на это позже: «Бросать в окно коридора было опасно, а вдруг бы там кто-то проходил?» Вообще, если кинуть из здания особо это не изменит опасности. На самом деле с этого места (где-то третий или четвёртый этаж) осколки стекла и парта, вылетевшие из окна, будут даже опаснее для тех кто снизу.

Однако переживать по данному поводу оказалось не нужно — парта, которую Ооги-тян швырнула в окно, как ни в чём не бывало отскочила обратно, будто резиновый мяч брошенный в стену, и полетела на пол, разбросав всё содержимое — учебники, тетради, пенал — вокруг себя. Похоже, владелец парты оставляет в школе кучу учебников — слово «катастрофический» будет отличным эпитетом к получившемуся беспорядку. Порта ещё два раза отскочила от пола и остановилась ножками вверх.

На стекле не осталось ни царапинки.

Кстати, из вещей, вывалившихся на пол, ни одна не сломалась или даже чуточку порвалась. Результатом метода Ооги-тян «грубая сила» стал вот такой итог, который не принёс никаких результатов.

— Если собираешься кидать парту, то можно было хотя бы пустую бросить, чтоб потом не убирать...

Вообще, вместо стола не легче ли кинуть стул, он же куда легче? Сломается всё равно стекло, так что без разницы особо, что кидать, главное не голыми руками. Но даже так вопрос, почему стройная девушка выбрала бросить парту остаётся открытым. Однако мои вопросы вскоре получили ответ.

Ооги-тян подобрала шариковую ручку и пошла к классной доске. Девушка словно специально бросила парту, чтоб достать ручку, убила двух зайцев сразу, так сказать. Это одновременно и рационально, и безумно. Только разрешился один вопрос, как тут же добавился новый: что вообще она намеревается делать ручкой? Раздался скрип. Стоп, она же только что ручку подобрала, но на доске же мелом писать надо...

Ооги-тян не потеряла ни единой секунды. Она воодушевлённо зачеркала по классной доске ручкой. Естественно, ничьи нервы не выдержат этот отвратительный, высокий скрип ручки, скребущей по классной доске, и в этом закрытом пространстве звук будет только сильнее, отражаясь от сте... Не было никакого звука.

В классе стояла тишина.

Сколько бы сил она не вкладывала, ни один взмах ручки, будто катаны, разящей в бою, не подействовал на классную доску. Следа чернил на поверхности доски тоже не обнаружилось. Может, мои глаза меня подводят, или ручка просто скребётся по воздуху.

— Бесполезно, значит? Хм.

— Что ты пыталась сделать, Ооги-тян?

— Как вы видели, грубая сила не работает, так что я попыталась треснуть стекло, используя высокие звуковые вибрации, — ответила она без малейших колебаний.

Девушка попыталась провести жалкое представление, собираясь разбить окно звуковыми вибрациями, но, похоже, план провалился. Однако Ооги-тян бросила ручку на пол, сохранив всё то же непроницаемое выражение лица, словно уже просчитала данную возможность заранее. Пытаться выбить окно партой, а затем воспользоваться ручкой, вывалившейся из неё — всё это достаточно разумно.

Однако устраивать такой беспорядок в класс — не очень, и, обдумывая это, я начал наводить порядок. Ох, но моё желание прибрать этот таинственный класс — может ли это рассматриваться как разумное?

— Хмм...

После того, как я аккуратно сложил учебники и вернул их на место, мне заметилась подпись на содержимом парты — «Первый год, класс 3, Фукадо».

Так это класс первоодок? Я бы поверил написанному, но... перед входом в класс я не взглянул на табличку с именами. Я даже не уверен была ли она вообще. Но Фукадо? Разве это такая распространённая фамилия в здешних местах?

— Арараги-сэмпай, простите, что отвлекаю от работы, но не могли бы вы подойти на секунду?

— прервала мои размышления Ооги-тян.

Я хотел ответить ей, что эта уборка вышла из-за её небрежного поведения, но ноги принесли меня к тому месту, где ранее я боролся с дверью, откуда меня подозвала Ооги-тян.

— А, нет, не так, шаг назад, пожалуйста. Чуть правее, нет, это уже слишком, вернитесь влево. Так, полшага назад и можете выпятить грудь?

Такая точность... Понятия не имею, что она собирается делать. Ну, я понятия не имею и что она сейчас делает — бросила парту в окно, заскребла по классной доске, я думал, она уже отказалась от своих агрессивных попыток. Ну какой вариант ей ещё испытывать? Ещё один экстраординарно насильственный план побега.

Только я подумал, что она нагнётся, как Ооги-тян изо всех сил вдарила мне локтём в солнечное сплетение. Сработали рефлексy и меня стошнило.

От удара я перекувырнулся в воздухе, едва не задев головой дверь, и тяжело рухнул на пол.

— Кх... Кха... Что... ты... Ооги-тян... делаешь...

— Хм. Бесполезно, как я и думала, — беззаботно проговорила она, лишь коротко взглянув на мою с трудом ловившую ртом воздух фигуру.

— Мне было интересно, может ли дверь разесть желудочный сок. Физическое воздействие и вибрации не возымели никакого эффекта, так что может кислота бы сработала — вот что мне подумалось. Но, похоже, и этот вариант не принёс плодов. Дверь только чуть испачкалась. Даже если дверь разеет, такой малюсенькой дырочки нам не хватит, чтобы сбежать... Вытрите это позже, хорошо?

Так ты хочешь сказать, что целилась мне в желудок, а не в солнечное сплетение? Так ты собиралась, чтобы я блеванул желудочным соком на дверь? С этим её лишённым всякой наивности выражением лица кажется, будто я через всё это прохожу, чтобы испытать её сумасбродные идеи. Эта девушка... почему мне вдарил девушка, с которой я только недавно познакомился? Что за удача у меня такая?..

— О, простите, не больно?

Беззастенчиво спросила она, но на самом деле это взбодрило меня, дома условия жёсткие, и я уже привык к такому насилию... Я привык к тому, что меня бьют в живот, что это за условия дома у меня такие?

Это не карма, а обычная жестокость.

— Ничего серьёзного, — отмахнулся я, поднявшись.

Проявлю сдержанность и надёжность к своей кохай, и её отношение ко мне изменится.

— Вот как? Чего и стоило ожидать от вас, Арараги-сэмпай. Ну, я бы могла и сама выблевать желудочный сок, но это будет неприглядно. Арараги-сэмпай, вы же определённо из тех, кто лучше выблует желудочный сок сам, чем позволит сделать это девушке, я права? Думаю, я могла неправильно рассудить ваш характер.

— Спасибо за такую внимательность ко мне. Я действительно из тех, кто лучше проблюётся сам, чем даст сделать это девушке.

Характеры на самом деле не разделить на типы, и типология по «блёт желудочным соком» довольно эксцентричный способ деления, но чтобы ответить Ооги-тян, я подобрал наиболее подходящий ответ и выдал его. Всё-таки сложно было это проговорить — её улыбка или выражение готовности положиться на своего сэмпая могли выбить меня из равновесия. Чувство неловкости не проходило.

Несомненно она испытывает то же чувство, хотя внешне это не проявляется ни капли.

— В любом случае ни окна, ни двери не сломать. А стены нам проломить попросту нечем.

— Была бы у нас взрывчатка, эх, — опасно отозвалась Ооги-тян.

Если ударила она меня без колебаний, то будь у неё ружьё или бомба, эта девушка ни секунды бы не думала перед тем, как использовать их. В любом случае идею разрушения стен придётся оставить. Думаю, оставаться здесь ещё слишком небезопасно.

— Ничего не поделаешь, слишком это затянулось. Мы пытались сбежать, но самая большая наша проблема в психическом стрессе. Давай подождём помощи снаружи, Ооги-тян. Камбару всё равно должна знать, что мы здесь, — предложил я спокойным голосом.

Это всё, что я мог сделать: выдать эти слова, нацепив улыбку.

Если честно, за всё это время я волноваться не начинал. Важнее дать ей ощущение безопасности, и, по правде говоря, мне просто хочется показать ей свою добродушность. Ооги-тян заперта в тесном помещении с парнем, с которым только познакомилась, и это ставит её в довольно небезопасное положение. Принимая это к сведению, даже этот удар локтём можно понять, как готовность к опасности.

В любом случае, думаю, её поведение до этого — это проверка надёжности человека, стоящего перед ней. В принципе проверяла она меня или нет, ничего я с этим не сделаю.

— Интересно... — спокойным тоном начала Ооги-тян, которую, казалось, ничто не заставит беспокоиться. — Как большая поклонница Камбару-сэмпай мне хочется не терять надежды на её помощь, но, боюсь, вероятность на это мала.

— М? Почему это? Если после школы вдруг без следа пропало двое людей, тут любой, даже не Камбару, забил бы тревогу.

«Тревога» это, наверное, несколько преувеличенно, потому что мои одноклассники уже, наверное, привыкли к моему частому отсутствию. И Сендзёгахара с Ханэкавой в том числе. С другой стороны, если Ооги-тян, переведённая ученица, исчезнет, как только пришла в новую школу, это определённо вызовет подозрения.

— То, что кто-то забыл портфель в классе более вероятно, чем то, что кто-то ещё не ушёл. Тогда рано или поздно они должны вернуться.

— Вы действительно рассчитываете, что кто-то придёт и спасёт нас, Арараги-сэмпай? Любой, кто забредёт в класс, сможет стать нашим спасением, но даже тогда...

— ...

— Простите, это было грубо. Просто у меня такой принцип. Тут ничего ни со мной, ни с вами не поделаться. Оставим это, Арараги-сэмпай, нет ничего плохого в том, чтоб полагаться на друзей, но сперва стоит попытаться самому решить свои проблемы. Потому что...

Ооги-тян указала пальцем в место над доской, где висят часы, и, когда я взглянул на них, я остолбенел.

Стрелка часов.

С того момента, как мы зашли в сюда, она не сдвинулась ни на секунду. Должно пройти уже больше часа с тех пор, как мы попались в ловушку этого класса, и в этом классе не прошло ни секунды.

— Конечно же, это не из-за того, что батарейка села, — высказала Ооги-тян, ухмыльнувшись от уха до уха.

003

Эта цепь событий началась на весенних каникулах, когда на меня напал золотоволосый вампир с глазами цвета полуденного солнца, и с тех пор уже больше полугода никак не оставляет меня.

Это случилось где-то в последнюю неделю октября.

Как раз шёл обеденный перерыв, когда моя «любимая» кохай, Камбару Суруга, решила навестить меня. Я не торопясь поглощал своё бэнто.

— Эй! Арараги-сэмпай! Это я, Камбару Суруга!

Как всегда активна.

— Вы ведь один, да?! Один, да?!

Как всегда неデリкатна.

— Ну, один это не...

Конец моего ответа тихонько сошёл на нет. Эта полная энергии кохай поражает даже в обычной жизни, а с моим нынешним вялым состоянием я не уверен, что смогу осилить её запрос.

— С начала второго семестра Сендзёгахара и Ханэкава очень сдружились и больше со мной не обедают.

Они, наверное, едят вместе, как говорят. Дружба между девушками берёт верх над отношениями — такая редкость.

— Хехех. Почему бы вам просто не пообедать с каким-нибудь другим другом? Сомневаюсь, что можно чувствовать себя более одиноким, чем когда обедаешь сам с собой.

Выдала такую бестактность таким бесхитростным тоном. Я этого факта не отрицаю. Но всё равно человеку надо есть, чтобы выжить — даже если у него нет других друзей. Мучения и одиночество, как-никак, это часть жизни.

Однако эта девушка определённо нечто.

Она зашла в класс, полный третьеклассников старшей школы, без намёка на робость и даже села на свободное сиденье с такой силой духа, какая только доступна человеку. Несмотря на то, что она ушла из команды, подобное вполне ожидаемо от той, кто когда-то была асом баскетбольного клуба.

— Ну, похоже, сегодня я принесу хорошие новости одинокому Арараги-сэмпая.

— Хорошие новости? Звучит интересно. Сделай одолжение, расскажи. Я люблю хорошие новости.

Особо меня не заинтересовало, но я обедал в одиночестве, так что будь это разговор о международной политике или IT-технологиях, с радостью выслушаю всё.

— Просто тут есть девушка, которая хочет познакомиться с вами, — сказала Суруга и указала на дверь левой рукой, которую стягивал бинт.

Из коридора подглядывала миниатюрная девушка.

С ней Камбару хочет меня познакомить? Лицо этой девушки мне незнакомо — ну, она же пришла познакомиться, так что естественно я её не узнаю. Может, она из баскетбольной команды? Тогда почему Камбару пытается меня с ней познакомить?

По тому, как она держит себя, могу предположить, что она первогодка... И бейджика у неё отсюда не вижу...

— Разве она не миленькая? — сказала Камбару, будто все сомнения развеются перед милым личиком.

Ну, это несколько неожиданно, но такова реальность нашего общества.

— Представить миленькую девушку Арараги-сэмпая рискованно, но она сама меня попросила, так что у меня не было выбора. Это было трудное решение. Хвала богам, что Сендзёгахара-сэмпай и Ханэкава-сэмпай решили оставить вас сегодня одного.

— Ты за кого меня держишь?

— Нечто, что чуть ближе к человеку, чем к зверю.

— В принципе-то верно, но...

Эти двое действительно нашли подходящее время, чтобы оставить меня.

Сендзёгахара и Ханэкава сегодня решили поесть снаружи, но обычно они едят в классе (даже тогда я остаюсь за бортом) — так что это чистая удача, что Камбару решила провести знакомство сегодня.

Так она хочет познакомиться, значит.

Как вы знаете, я не особо общительный человек и независимо от пола и возраста не люблю знакомиться с новыми людьми... Однако Камбару — крайне коммуникабельный человек, который находит наслаждение в новых знакомствах, и ей будет невозможно объяснить мои чувства.

— Прости, но с людьми у меня не очень получается общение.

— Вот как? Тогда это идеальная возможность подтянуть свои навыки! — парировала она.

Для начала месяц назад я «представил» Камбару кое-кому — это была скорее сделка, чем знакомство, и хотя я сам сделал этот выбор, человек этот больно опасен, так что мне до сих пор совестно. Да, если вспомнить ещё, то я познакомил свою безбашенную младшую сестру, Карэн, с Камбару. Вот почему если Камбару когда-то решит представить мне кого-то, кто бы это ни был, отвязаться от этого я буду не в состоянии. Я даже не шучу, с её разнообразными знакомствами она способна сойтись с любым человеком любого типа личности.

Понятия не имею, что заставило девушку ждать за дверью, пока Камбару не закончит разговор. Однако я заметил, что эта ученица явно непроста.

— Всё будет отлично. Расслабьтесь, Арараги-сэмпай, — проговорила Камбару, будто проглядев неловкость в моём сердце, и хитро ухмыльнулась. — Её нижнее бельё снято.

— Иди откуда пришла!

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Лифчик ещё на ней. Только трусиков нет. Если меня не подводит память, вы предпочитаете снять их самостоятельно, так?

— Ты чего вообще говорить такое в классе?! У меня нет таких фетишей и предпочтений!

Кстати, Камбару звезда школы, так что наш разговор привлёк всеобщее внимание — мои одноклассники с любопытством глядели на нас. К счастью, извращенское замечание Камбару не было слышно и создаётся ощущение, будто это я на неё набрасываюсь. Меня пронзили осуждающие взгляды — довольно неприятно. Я, конечно, не ущемлён, но мне было бы куда радостнее, раскройся общественности извращенская натура Камбару.

— Что такое? Вы хотите сами снять с неё и трусики? Не теряете планки, Арааги-сэмпай. И скольких же девушек вы желаете посадить на привязь? Ох, я совсем не о БДСМ, кстати.

— Независимо от БДСМ, я хочу надеть на тебя ошейник.

Повесить колокольчик на шею.

Обычный наш разговор — приветствие Камбару, приправленное серией шуток. Это мы проделываем уже далеко не в первый раз.

— Так кто эта девушка? Какая она? Ты хочешь познакомить нас... Но знаешь, я как-то не тот, с кем кто-то хочет познакомиться, понимаешь? Описание всей моей жизни — это моя фирменная фраза: «Меня зовут Арааги Коёми», понимаешь?

— Даже не знала, что такая унылая фирменная фраза вообще существует. Вообще не цепляет. Девочка хочет посоветоваться с вами о чём-то. Думаю, поэтому она хочет познакомиться с вами.

— Посоветоваться со мной? Хех, это же новый уровень безрассудства. Если что-то беспокоит, не обращай к Арааги за поддержкой — думаю, такая мысль уже давно расползлась по этой школе.

— А? Эти негодяи так о вас отзывались? Тогда я их мигом отправлю полетать.

— Это была шутка! Шутка! Успокойся! — кинулся я к Камбару, которая вдруг зыркнула на моих одноклассников яростным взглядом.

Со стороны выглядело так, будто я не дал школьной звезде закончить разговор и вернуться в свой класс, но (моя репутация резко упала) на самом деле я спас ваши жизни, дурни. Левая рука Камбару обладает силой, которую современное общество называет «выбить дерьмо из кого-то», что мы подтвердили пару месяцев назад, так что ситуация могла обернуться довольно паршиво.

— Так во... Вот этот совет, про который ты говорила. Я старший брат Огненных сестёр, так что достаточно часто выслушиваю их жалобы. Я принимаю это просьбу о знакомстве.

— Я не очень уверена, но, похоже, это про странности.

— Вот как...

— Похоже, ей что-то известно, — добавила Камбару, увидев волнение, мелькнувшее в моём выражении лица. — Она знала о моей левой руке и о вашей крови. Говорит, слышала от своего дяди.

— Своего дяди...

— Она перевелась к нам совсем недавно. Неожиданно, она, похоже, племянница Ошино-сана. Её зовут Ошино Ооги.

Не потеряв своего беспокойства, я оглядел девушку — Ошино Ооги выглядывала из коридора. Впервые мы встретились глазами.

Эти чёрные как смоль глаза, словно засасывали меня.

004

— Странно, не правда ли?

— Странно.

— Довольно интересно.

— Очень загадочно.

— Другими словами, очаровательно.

— Очаровательно...

Я ждал другого.

Ооги-тян бормотала с отрешённым выражением лица, указывая на рисунок, набросанный в тетради, разложенной на моей парте. Мне вспомнилась похожая встреча с Гаэн-сан в августе. Правда тогда мы использовали планшет вместо тетради. Старшеклассники нередко носят с собой планшеты, но знаете, использование устаревших методов вполне соответствует племяннице Ошино.

В тетради была начерчена схема здания школы Наоэцу. Я ничего не смыслю в искусстве, так что по мне рисунок выполнен отлично. Довольно качественная работа, достойная, чтобы вывесить её на воротах школы.

— Разве не странно? — повторила Ооги-тян, указывая на место на рисунке.

Слушая Ооги-тян, я наполовину изучал схему, наполовину смотрел на девушку — смотрел ей в глаза. Эти чёрные как смоль глаза словно засасывали меня.

Мне вспомнилось, как Гаэн-сан однажды назвала себя младшей сестрой Ошино Мэмэ. Тогда я задался вопросом, почему она назвалась младшей сестрой, а не старшей, но уверен, в этом основа, зачем она представилась так. Это не безрассудность Гаэн-сан.

Проще говоря, мне стало любопытно, почему племянница специалиста, который ушёл из города в июле, перевелась в мою школу сейчас. Камбару, наверное, назвала бы это «изворотом судьбы», но для того, кто знаком с Хачикудзи...

— Эм, вы меня слышите, Арараги-сэмпай?

— А... Ох.

Мне указали на мою невнимательность, и я поспешил сосредоточиться на разговоре.

— О, Ооги-тян, почему бы тебе не сесть? Пока всё будешь объяснять успеешь уже утомиться, если будешь стоять. Ученики отсюда обедают на спортплощадке, так что нам не о чем беспокоиться, пока не прозвенит звонок.

Я хотел развеять так неловкость оттого, что сам сел, а моя кохай осталась стоять меж рядов парт, но Ооги-тян вежливо отказалась. В конце концов Камбару же не садится, и Ооги-тян в том же духе отбросила моё предложение.

— Нет, к сожалению, я немного помешана на гигиене, так что лучше не буду садиться на стул, в чистоте которого сомневаюсь.

— Вот как?..

Помешана на гигиене, значит. Тогда они никогда не сможет жить в развалинах вечерней школы как её дядя.

— Хотя я бы села вам на колени, Арараги-сэмпай.

— Давай без этого.

— Ох, вы только что подумали о чем-то непристойном, да? — сказала она, весело хлопав в ладоши.

Может, её поведение и похоже на поведение новичка, но её выделяющаяся личность по-прежнему ярко сияет.

— Ты сама навела на такие мысли. Останешься стоять в наказание.

— Так жестоко-о.

— Так что это? Что такого интересного?

— Катнуть палочки для еды уже большое зрелище — так говорят про детей моего возраста, но... эм, вы же знаете, что я перевелась, да? Из-за особых обстоятельств в семье я переводилась из школы в школу настолько часто, что уже и не всё помню.

— Ух... это жёстко. Прямо как Камбару, она тоже переезжала с места на место, когда училась в начальной школе...

Кстати, сама Камбару уже пошла домой. Быстренько познакомила меня с Ооги-тян и побежала

куда-то ещё. Несмотря на её беззаботный вид у неё куча дел — или может она не хотела совать нос в наш разговор?

— Перевод в другую школу — это тяжело. Окружение постоянно меняется, вдобавок ещё и местность незнакомая, голова может пойти кругом.

— Угу. Ну, я уже обвыклась со всем этим. Что по-вашему я должна сделать в первую очередь перед переводом в новое место?

— Хм-м... Познакомиться с учителями?

— Бывало, что этого я не делала.

— Так ты с ними даже не знакомилась?

— Вот, что я делаю — схемы.

Ооги-тян пролистала страницы тетради. Тетрадь выглядела совсем новой, но уже была изрисована схемами различных школьных зданий. Старшая школа Наоэцу тут показана в более чем исчерпывающей форме. Тут не только плоские структурные схемы, на страницах есть и объёмные изображения. Интересно, как она так нарисовала вид с такой высоты.

Хм? Она словно рисовала с вертолёта.

— Эти рисунки помогают мне легче разобраться в школе, в которую я собираюсь переводиться. Это уже вошло в привычку. Думаете, я странная?

— Нет, вовсе нет.

Если честно, мне подумалось, что это довольно сомнительная привычка, но я могу назвать лишь где-то двоих людей, которые испытали подобные переходы из одной школы в другую, так что у меня нет прав говорить ей такое в лицо.

Скорее я искренне удивлюсь, если кто-нибудь, помимо этих двоих, станет заниматься подобным. Это племянница лицемера Ошино, так что я очертил чёткую линию, которую ни за что нельзя пересекать, и подходить к девушке следует осторожно. Однако, чем больше я узнаю её странностей, тем ближе становлюсь к ней.

— Мне очень нравятся истории загадочного убийства, которое происходит в большом особняке. Меня очень цепляют грубые наброски структуры здания, которые детективы делают в самом начале. И в итоге я рисую нечто похожее каждый раз, когда перевожусь в новую школу.

Естественно, я не собираюсь проводить никаких расследований, — она говорила это с улыбкой, но запутанность нашего положения истощила всю беззаботность в её голосе, которая должна быть. Если бы Ооги-тян сказала, что это подготовка к возможному убийству, я бы без всяких сомнений ей поверил.

— Хм-м... можешь ещё раз показать?

— А? Вы про мои трусики?

— Нет, тетрадь...

Ответ в стиле Камбару. Ооги-тян уже попала под влияние извращёнской личности Камбару, значит, они уже довольно близки (хотя это замечание доказало, что трусы всё-таки на ней). Даже интересно, как только переведённая ученица успела так спеться с Камбару. Ну, эта спортсменка с любым сможет поладить...

Я пролистал тетрадь и просмотрел всё внимательно. Читая, я заметил кучу мест, которые за свои три года учёбы так ни разу и не посетил. Это напомнило мне, как небрежно я провожу свои школьные годы.

— Тут всё так выверено, отрисовано умело, Ооги-тян. Я не очень хорош в чтении карт, и зачастую мне требуется время, чтобы разобраться в них. Однако с этой тетрадью я чувствую, будто сам прошёлся по кампусу.

— Спасибо за похвалу. Тогда, полагаю, вы догадались, что я назвала странным?

— Хмм-хм. Ну...

Так и не понял. Я не собирался льстить девушке, но так получилось само собой, глядя на её схемы.

Нехотя я наконец родил ответ:

— У нас, эм, слишком много зданий. Все ученики школы спокойно уместятся даже в половине всего этого.

— Совсем не то. Вы что, идиот? — укололи меня острые слова, сказанные вежливым тоном.

Я думал, я разозлил её, но её улыбка предполагала обратное. Что за выбор слов. Может, это из-за частых переездов? Слова грубые, но может, в других местах это нормально.

— Это просто результат уменьшения рождаемости. Когда-то это здания были необходимы. Сейчас столько классов пустует, потому что уменьшилось количество учеников по сравнению с прошлыми годами. В общем, странное я нашла здесь...

— Где?

— Тут.

Ооги-тян забрала тетрадь обратно, открыла на определённой странице и указала в определённую часть схемы — то же, что пыталась показать мне раньше. Даже так я не нашёл ничего особо необычного.

— Расположение комнаты странное.

Ооги-тян устала ждать от дурака — меня, естественно — ответа и начала объяснять сама.

— Лучше подойдёт слово «неестественно». Взгляните на схемы этажей выше и ниже этого, —

Ооги-тян продолжала объяснение, перелистывая страницы. — Пространство используется эффективно, и все комнаты расположены естественным образом. И тогда становится странно, почему посреди этажа отсутствует ещё одна комната?

— Странно...

С уже обновлёнными знаниями я снова взглянул на схему, но так и не понял.

— Разве здесь нет комнаты в этом же месте на третьем этаже? Проекционная.

— Здесь ошибка в схеме. Я начертила схему согласно зданию, но на самом деле проекционная не настолько большая. Если сравнить с другими кабинетами, то она размером где-то в полтора обычного класса.

— Хм-м-м.

Если приглядеться, то вроде бы она права. Проекционная, в которую я ходил бесчисленное количество раз за свою школьную жизнь, не настолько огромная. Не такая маленькая ошибка, чтобы не обращать внимания. Но Ооги-тян не гонится за завершением своей схемы. Девушка просто недоглядела или ошиблась, и в итоге проекционная стала длиннее.

— Так ведь? Вы сомневаетесь в моих способностях, Арааги-сэмпай? Это ранит.

— Мы не настолько близки, что ранить таким сомнением.

— Нет-нет, я говорю искренне — про дурака, который морочит мне голову.

Без малейших колебаний она снова назвала меня дураком. Ооги-тян бранит меня так же, как Сендзёгахара, но делает это с улыбкой. В этом смысле я даже не могу сказать, серьёзно она или нет. Страдаю от жестокого когнитивного диссонанса.

— Я не ошибаюсь. Если ошибка с моей стороны, то клянусь, я перемеряю эту комнату голой.

— Довольно неосторожное обещание...

Сколько бы во мне не было уверенности, я бы ни за что не пообещал подобного.

Улыбающаяся девушка, уверенная в правоте своего исследования, заговорила вновь:

— В книгах, когда карта и реальность не совпадают, это как правило означает, что в том месте спрятана тайная комната, — вещала она. — Что же нам делать, Арааги-сэмпай? Никто не знает,

в комнате могут стоять чаши из золота и серебра, россыпи драгоценных камней.

— С чего бы сокровищам храниться в школе? Даже если мы разыщем их, они же не будут нашими.

— Где ваше воображение — вот почему ученикам, которые готовятся к экзаменам, нужно хоть немного расслабляться.

— Гипотетически если это не твоя ошибка при составлении схемы, то разве не может это быть ошибкой при строительстве здания? В таком случае там будет просто монолит из бетона или какого-то другого материала.

Не припоминаю бетонной стены вблизи проекционной комнаты, хотя моя память может подводить. В школе главное запомнить расположение своего класса, чтобы выжить.

— Это ещё одна возможность. Конечно, это оптимальный исход. Не отказалась бы, будь он из драгоценных камней. Однако это неважно, — опрометчиво заявила девушка. — Если этот феномен вызван какой-то странностью, я предпочту исследовать его прежде, чем кто-нибудь пострадает.

Если честно, это огромный скачок в логической цепочке. Конечно, схема, противоречащая реальности довольно занимательно, однако к существованию странности это как-то не относится. Я скорее поверю, что там заложена тайная комната. Ну, может, подобные странности существовали в легендах.

Вообще, Шинобу давно бы заметила, если бы странность поселилась внутри школы. И Ошино тоже бы вычислил её на весенних каникулах. В такие моменты Ошино обычно говорит: «Не всё странное вокруг тебя вызвано странностями».

Но всё равно я не могу отмахнуться от Ооги-тян, потому что она племянница Ошино — к тому же я никогда не слышал об этом от двух учениц, которые изучили весь кампус вдоль и поперёк — от Ханэкавы Цубасы и Сендзёгахары Хитаги.

Неважно, замурованная комната это или аномалия, вызванная странностью, Ооги-тян заметила несоответствие, которое пропустили и Ханэкава Цубаса, которая знает всё, и Сендзёгахара Хитаги, которая излазила всю школу, когда её жизнь была на грани.

Сам факт, нет, сама возможность подобного поддерживала моё любопытство.

— Даже если здесь поселилась странность, необязательно, что она станет ранить кого-то. Наоборот, исследование избавит от возможных ран.

Я выбирал слова осторожно, говорил сухо. Не хочу, чтобы она думала, будто я уже полностью захвачен её идеей. Пока Камбару нет, нужно сохранять лицо.

— Я так рада. Знала, что вы так и скажете. Тогда, пожалуйста, найдите меня после уроков. Сходим к этому классу, не дающему мне покоя.

В отличие от Камбару, эта девушка способна быть милой. Ооги-тян действует бесцеремонно, зазывая своего сэмпая на что-то, на что у меня совсем нет времени, но вовремя я этого не успел заметить.

— Хорошо, мы же только познакомились? Надолго я не смогу остаться. Более того, боюсь, меня четвертуют из-за недопонимания этой встречи с кохай после уроков.

— Конечно же, это не займёт много вашего времени. Минут пятнадцать и всё. Если там ничего нет, то даже меньше десяти минут.

Около пятнадцати минут, значит. Ооги-тян выглядит весьма довольной собой. Глядя на её радостное лицо, я подумал, что разговор о схемах и странностях может быть просто предлог, чтобы завести нового друга в школе, в которую она только перевелась — естественно, всё оказалось не так.

Исследование заняло куда больше всего лишь пятнадцати минут — мы до сих пор застряли здесь.

005

Как и условились, я встретился с Ооги-тян после уроков, и мы тут же направились к зданию, в котором располагается проекционная. Ооги-тян шла впереди, будто ведёт меня по кампусу. По пути, видимо, чтобы я не заскучал, она завела разговор. Темой нашей беседы пошли мысли «Мангака потеряет доверие читателей, если манга будет слишком затянута (с другой стороны популярная манга, как правило, долго не живёт)» и «стремительность прогресса уменьшается с ростом цен». Она заявляла такие самовывявленные «правила» реальности. На многие вещи она нашла чёткий ответ. Конечно, её болтливость вполне напоминала Ошино Мэмэ и в тоже время обычную старшеклассницу. Я ощутил новый, ностальгический привкус на языке, когда мы дошли до места назначения. Мы без сомнений дошли до того самого места — третий этаж здания, проекционная лишь в нескольких шагах от нас.

Он существует.

Здесь стоит класс.

— Ооги-тян, погляди, класс прямо здесь. Уверен, ты просто пропустила его и вписала проекционную в пустое пространство. Просто в твоей схеме ошибка. Теперь снимай одежду и спаси своей рукой честь школы. Можешь и меня измерить, чувствую, в последнее время я немного подрос.

Кстати говоря, я такого не сказал.

Потому что наличие здесь класса куда более сложная вещь для понимания. Это здание предполагалось лишь для специализированных кабинетов, так что откуда тут взяться обычному классу? И к тому же странно, что я совсем не припоминаю эту классную комнату, которая тут совсем не к месту.

— Интересно. С какого круга ада, по-вашему, сошёл этот класс? Так загадочно, — отчего-то безэмоционально произнесла Ооги-тян.

Лицо её же напротив прорезала широкая ухмылка, будто данная ситуация забавляла девушку.

— Ладно, заглянем внутрь.

Не лучшее моё решение. Нужно было отступить и принять меры предосторожности, прежде чем изучать класс. Следовало проконсультироваться с Ханэкавой перед тем, как вот так бросаться вперёд — следовало разбудить Шинобу, которая предавалась сну в моей тени, быть начеку.

Однако дав гордости затмить доводы разума, я беспечно открыл дверь в класс и вошёл внутрь.

Глупо.

По быстрому осмотру снаружи класс казался пустым, и дальнейший осмотр подтвердил наши подозрения — за незапертой дверью выстроились ряды парт со стульями, преподавательская кафедра и шкафчик для уборочного инвентаря.

Покинутый класс — наверное, мне стоило быть повнимательнее. Виднеющийся из окна спортзал и остановившиеся стрелки часов прошли незамеченными. Передо мной не сияли груды золота, просто обычный класс. Этот кабинет мог быть здесь с тех пор, как я только поступил в старшую школу, и просто меня память подвела. И пока я успокаивал свои нервы, от меня ускользла.

Ускользла ненормальность того, что я вижу перед собой.

Ооги-тян зашла в класс после меня.

И закрыла за собой дверь.

— Вот и поэтому мы здесь...

Держа свои наручные часы перед глазами, я сравнивал время моих часов со временем, которое показывали настенные часы над доской. И разница весьма заметна.

Мои наручные часы отмеряли секунды без проблем, так что вполне возможно, что настенные

замерли из-за севшей батарейки. Однако Ооги-тян разрушила эту возможность. Если принять, что время остановилось, то это объяснит несдвигаемую дверь и неразбивающееся стекло. Может же быть, что в этом классе время приостановилось или вообще прекратило свой ход?

— Стоит подумать, как время может остановиться в одном месте, Арараги-сэмпай, — сказала она, снова взглянув на доску.

В руках она сейчас держала не шариковую ручку, а то, что подойдёт для письма на доске — мел. — Угу, мел. Полюби меня, мелок... но да ладно, — с этими словами она провела по доске линию мелом.

На доске, которую шариковая ручка даже не поцарапала, пролегла белая линия.

— Уо... уоу... — изумлённо протянул я.

Похоже, мелом писать на ней можно, энтузиазм Ооги-тян возрос, и она продолжила эксперимент, получив желаемый результат. Вообще я ждал более осмотрительных действий...

— Ахахаха. Похоже, мел работает как надо. И для чего же это по-вашему? А как насчёт этого? Ооги-тян приложила мел боком и провела широкую линию по доске. В мгновение ока палочка мела кончилась.

Тем не менее девушка продолжала чертить линии на доске. Ооги-тян отступила на шаг полюбоваться своей работой — на доске красовалось огромное сердце.

Затем она взяла мел как положено и написала в разных половинках сердца «Коёми + Ооги».

— Ахаха! Просто шучу!

— Не время дурачиться, Ооги-тян...

Упс. Мне тут не за шуточками наблюдать надо было, а думать над тем, как выбраться из этой запечатанной комнаты. Старый добрый метод проб и ошибок...

— Интересно, включится ли свет...

Солнечный свет лился через окна, и едва ли прошло десять минут, так что выключатели мы не трогали. Я подошёл и переключил выключатель. Может показаться неразумным включать свет, если на улице ещё светло, но какая разница. В общем, все люстры разом загорелись.

— Свет работает как надо. По крайней мере класс выполняет свои функции.

Я не настолько в этом уверен, но... это может помочь нам сбежать. Мы можем даже развести пожар с помощью электричества. Чтобы спасти Карэн, Цукихи сделала нечто похожее (буквально Огненные сёстры). И хотя этот план получше, чем заложить взрывчатку, это будет наше крайнее средство в этой герметичной комнате.

— С другой стороны нас ожидают страдания. Интересно, сколько потребляет кислорода среднестатистический человек. Если ситуация затянется, кислород может...

— Ну-у, давайте порассуждаем, Арараги-сэмпай. Что бы вы ни сказали, это по-прежнему класс, верно? Тогда комната не должна быть запечатана до такой степени, чтоб даже воздух не проходил. Даже если обмотать весь кабинет изолентой, будет проходить достаточно воздуха через окна, чтобы двое человек могли свободно дышать.

— Вот как... это утешает.

Утешаясь, я принял в счёт слово «запечатана». Ооги-тян использовала его просто так, но это подтолкнуло меня к размышлению о герметичности. Тогда правильнее было сказать не «герметичная комната», а «изолированная комната».

Эх.

Ведомые наброском схемы школы мы в поисках тайной комнаты, словно главные герои мистического романа, застряли в кабинете, изолированном от остального мира. Наша ситуация неплохо подойдёт как основа какого-нибудь сюжета. Однако без детектива мы можем лишь сокрушаться своей судьбе.

— О чем вы задумались, Арараги-сэмпай?

— О чём задумался... Ну, сейчас куча разных мыслей пронеслось у меня в голове.

Остаётся только признать. Всё это может быть просто результатом амнезии. Однако пока мы заперты здесь, будет сложно что-то подтвердить.

— Но Ооги-тян, если эта аномалия вызвана странностью, то, что это за странность? Ты слышала о странностях, которые запирают людей в классах?

— Подумаем, в отличие от моего дяди, я не так хорошо разбираюсь в легендах старины. Я знаю только странности, которые часто появляются в манге или фильмах.

Понятия не имею, притворяется она или дурочку изображает. Подозрение, что она на самом деле всё знает, крепко засело в моей голове. Разговоры с Ошино вызывали у меня такие же эмоции — я начинал сомневаться в его словах. Ооги-тян, заметив сомнение в моих глазах, заговорила:

— Ну, на самом деле я слышала о странности, которая запирает людей в комнате. Я слышала, пока следующий человек не войдёт в комнату, предыдущие не смогут выйти. Если им удастся обманом заманить войти кого-нибудь, то будут свободны. Вот так вот.

Я тоже слышал о таких ужасиках — в таком случае мы не сможем выйти из этого класса, пока кто-то другой не решит сюда заглянуть? Нет, если не ошибаюсь, когда мы вошли, никаких следов вошедшего до нас здесь не было. Мы признаём, что эта аномалия вызвана странностью, но какой-то другой.

— Я думаю так. Только дурак будет носиться с таким предположением.

Ооги-тян сладко улыбнулась. Эта девушка милее всего, когда обзывает меня — что же это такое? Слишком сложно держать оборону. Я начинаю чувствовать себя неловко.

— Вы думаете этого всего хватит для определённости? Но для странности есть подходящее объяснение.

Опять выражение в стиле Ошино. Полагаю, решение этого вопроса может привести нас к спасению...

— Какая может быть причина, чтобы оставлять нас в этом классе? К тому же эти часы...

— Стрелки часов — ключ к решению этой загадки. Естественно предположить, что время на часах просто случайность, да?

Время на настенных часах практически шесть — если быть точным, пять часов пятьдесят восемь минут. Между прочим, мои наручные часы показывали мне, что сейчас без пятнадцати пять. И если я не ошибаюсь, своё приключение мы с Ооги-тян начали в полчетвёртого, так что уже прошло больше часа как мы встряли в это сверхъестественное явление.

— Как думаешь, часы остановились утром или вечером? С механическими часами никогда не угадаешь.

— Думаю, вечером — просто взгляните в окно.

— Хм? Стоп, вот как? Стоп...

Я не подумал, что можно судить о времени по виду за окном, так что, будучи впечатлённым я выдал бессмысленную критику, чтобы прикрыть свою недалёковидность. Мне начинает казаться, что мой узкий умишко глубоко противен.

— В шесть вечером разве небо не темнее? Сейчас октябрь. Ты можешь не знать, но солнце садится раньше в это время года.

— Серьёзно? Вы столько всего знаете. Но всё равно это должен быть вечер. Взгляните в какое направление ложится тень от спортзала. Судя по этому направлению, солнце садится.

— Хм-м... вообще-то. Но это направление... о, это может и неверно. Вид из окна неправильный, так что определение направления тени с нашей точки тоже будет неверно. Нам стоит судить о направлении из того, куда смотрит спортзал. Если я правильно помню, спортзал вытягивается в двух направлениях — запад и восток... — бормотал я, вспоминая схему Ооги-тян.

Точно, так и есть. В таком случае часы будут показывать пять часов пятьдесят восемь минут

вечера.

— Шесть вечера означает конец учебного дня. Хаха, интересно, сможем ли мы вернуться к закрытию школы. Ой. За дверью по-прежнему полчетвёртого.

— Тогда мои часы будут неисправны. Печально.

— Что вы такое говорите, Арааги-сэмпай. Вы уже должны стать экспертом в путешествиях во времени, — проговорила Ооги-тян.

Стоять. Путешествие во времени случилось после того, как Ошино покинул город. Тогда и Ооги-тян не должна знать о нём...

— И что раздражает в этой ситуации, нас загнали в пиковое положение, Арааги-сэмпай. Если время не течёт как ему положено, ночь не наступит. Другими словами, мы не можем рассчитывать на помощь обитателя ночи Шинобу.

— Хм. А, вот оно как.

Вампир, поселившийся в моей тени, Ошино Шинобу, однажды известная как «Убийца странностей», естественный враг странностей. Она странность, поглощающая другие странности, так что я был уверен, Шинобу вскоре появится и разберётся с этой классной ситуацией. Однако из-за её ночного образа жизни разбудить вампира раньше «шести вечера» будет весьма хлопотно.

Тем не менее это не невозможно, но... количество пончиков, которое она затребует, оставит меня без гроша.

— А если так. В классе время застыло, но во мне время продолжает течь как прежде, значит, и время Шинобу в моей тени будет работать как надо.

— Течение времени не ограничивается вами. Возможно, мы двигаемся лишь силой воли, а наши тела по-прежнему замерли во времени. Молюсь, что так оно и есть.

— Почему же?

— Что, если мне в туалет захочется?

Это серьёзная проблема. Представить не могу, но это куда более сложный вопрос, чем голод или жажда. Однако девушка не потеряла достоинства и самообладания.

— Я слышала множество слухов о ваших героических похождениях, но даже как наследник Танидзаки Дзюнъитиро из периода Хэйсэй, вы же не желаете посмотреть, как я хожу по нужде, да, Арааги-сэмпай?

— Ты кого вообще Танидзаки Дзюнъитиро назвала?

— Если время в этом классе застыло прямо перед шестью вечера, то должна быть причина, почему именно тогда, — вернула Ооги-тян разговор в прежнее русло.

— И какая причина...

— Давайте посмотрим по-другому. Шесть вечера — время, когда школа освобождается. В чем смысл задерживать учеников, когда они уже должны собираться домой?

— Уроки закончились, но ученики не могут пойти домой...

Конечно, это странно. Обычно странности в школах нападают на учеников, которые остались после уроков надолго после закрытия школы, — это типично для подобных странностей.

— Похоже, что-то их задерживает.

— Задерживает...

Хм. Что-то щёлкнуло в моей голове, когда я услышал это слово. Сразу же никакой мысли не пришло, но объяснение должно быть уже где-то рядом.

Память начала усиленную работу — задерживает?

— Ох! Это ваш дом, Арааги-сэмпай? Ахаха, несмотря на мой вид, мои оценки выше среднего. Я никогда не испытывала школьных наказаний.

— Я тоже...

— Да? Правда?

Ооги-тян изобразила удивление на лице, но она знает лишь половину истории. Причина, по которой я в последнее время постоянно задерживаюсь в школе или беру дополнительные занятия, не в том, что я прилежный ученик, а скорее, потому что я вынужден делать это. Теперь я готовлюсь к вступительным экзаменам в университет, и не могу позволить себе продолжать то, что творил весь этот и прошлый года... особенно, когда я был новичком — когда я был новичком?

— Что не так, Арараги-сэмпай? Надежда начинает покидать нас — я имею в виду цвет покидает ваше лицо, Арараги-сэмпай.

— Ага... что, правда? Прости... дурно что-то...

— Не надо извиняться. Правда, незачем просить прощения. Уверена, ваши нервы на пределе — приглядывать за ненадёжной кохай, естественно, вы измотались. Может, сядете сюда? Вы не так помешаны на гигиене, как я, так ведь, Арараги-сэмпай? Если пожелаете, можете даже присесть мне на колени.

— Куда же сядешь ты, если я усядусь тебе на колени? Это будет изрядное гимнастическое упражнение. Ну и ну.

Похоже, я уже привык к бесконечным подначкам Ооги-тян. Как сэмпай я должен отчитать её (угу, пока она не кончила как Камбару). В висках стучало, я последовал предложению своей кохай и тут же сел — не стоит и говорить, что не ей на колени, а на один из стульев. Я проволочился по классу и выдвинул стул. И немного передохнул — ничего другого не оставалось.

— Почему вы решили сесть здесь?

Когда попытался сесть, не знаю, я почувствовал, что пора переместиться, и Ооги-тян заметила это. Хм? Что? Почему? Не совсем знаю, что сказать — потому что она предложила?

— Нет-нет. Я спрашиваю, почему вы выбрали сесть именно на это место несмотря на то, что в классе столько свободных.

Просто порыв. Причины не было — так я думал, но обдумав это, я почувствовал беспричинную неловкость. Падая от утомления, очевиднее всего сесть на ближайший стул. Тогда зачем я напрягался, чтобы пройти меж парт, не обращая внимания на другие стулья, и уселся здесь — третье место справа в четвёртом ряду?

Я по-прежнему не мог ничего сказать...

— Почему-то, — начала Ооги-тян. — Почему-то это место показалось вам более удобным? Здесь вам сидеть приятнее?

— Да нет. Никакого удобства. Стул на вид точно такой же, как и другие... просто... м-м...

— Что просто?

— Этот стул будто уже знакомый.

Я понял, что сказал какую-то бредятину. Как я могу ощущать что-то знакомым в комнате, в которой никогда не был? Если я уже занимался в этом классе, мне будет удобнее сесть на отведённое мне место. Не совру, что не подумал об этом, направляясь к стулу. Однако я никогда прежде этого класса не видел.

— Правда ли это?

— А? Чего? О чём ты, Ооги-тян?

— Я просто анализирую возможности. Начинаю подозревать, что вы, Арараги-сэмпай, уже бывали в этом классе. Может быть, вы уже сидели на этом месте, и когда разболелась спина, вы решили сесть на этот же стул?

— Не, это уже как-то слишком, — ответил я слабой улыбкой.

Ну, это было ожидаемо. Не то объяснение, в которое так уж верится, чтобы я серьёзно над ним задумался. Уверен, Ооги-тян снова просто играет на моих эмоциях.

— Я даже не знал, что здесь класс есть, до сегодняшнего дня.

— Когда я впервые вошла в это здание, этого класса здесь и не было. Но когда вы пришли сюда, класс тут же материализовался. Разве не логично, что он как-то связан с вами? Я думаю так.

— Хм... интересный взгляд.

Ооги-тян обнаружила странность, так что я раздумывал, не стала ли она сама источником этой аномалии. Однако со стороны Ооги-тян никто, кроме меня, не подходит на роль источника этого бедлама.

— Кроме того, разве вы не упоминали, что вид из окна кажется вам знакомым?

— Погоди, разве я такое упоминал?

— Ага, определённо — когда мы только зашли в класс, но ещё не поняли, что попали в ловушку. Совсем не помню, чтобы я говорил что-то такое, но если она говорит с такой уверенностью, то вполне могу согласиться. Паника от осознания нашей ситуации, видимо, смазала воспоминания. Я ещё раз глянул на пейзаж за окном — вид на спортзал. Отсюда никак не может открываться такой вид.

С этого места я видел кое-что другое из окна. Спортзал исчезал из поля зрения и вдалеке маячили горы, конечно, это...

Моя память.

Что-то зашевелилось.

— Да... я узнаю этот вид, но...

— Но? — вопросительно, нет, требовательно повторила за мной Ооги-тян.

Она снова опасно приблизилась ко мне. Двигается без звука. При таком крохотном расстоянии, что нас разделяет, моё сердце бьётся чаще. Я начал свой ответ издали:

— Нет... теперь это скорее неприятное чувство...

— Неприятное чувство? Правда? Тут есть, что разглядеть, как по мне. Мы говорили, что это третий этаж, но вид скорее четвёртого или пятого. Теперь, судя по высоте, я думаю, это всё-таки пятый этаж.

— Пятый этаж...

Пятый этаж... если так...

Точно... Мне нужно передумать ситуацию. С этого этажа здания школы мы не должны видеть горы. Приняв, что это пятый этаж, принимая, что определённый класс находится в определённом здании школы с таким видом из окна — этот класс...

Я должен знать этот класс.

Сложно.

— О? Что случилось, Арааги-сэмпай? О чём-то задумались? Я сказала что-то не то? — извиняющимся тоном проговорила Ооги-тян.

Нет, это был наигранный голос чистого наслаждения. Не успел я и заметить, она шагнула и встала прямо за моей спиной.

— Вы начали вспоминать что-то, о чем вы не хотели бы думать?

— Нет, ничего такого... я ничего не вспоминал...

И правда ничего не вспомнил. Потому что ничего не забывал. Просто так об этом не забудешь. Я закусил губу, сохраняя молчание, и протянул руку в парту. Стул уже комфортно отрегулирован, я осмотрел содержимое парты, за которую сел. Стол того, кто никогда не занимался дома: внутренняя полка плотно заставлена учебниками. Я наугад вытащил одну книгу и пролистал её до последней страницы. Здесь чётко написано имя владельца — первый год, класс три, Арааги.

— Гх...

Я сжал губы. Попытался скрыть имя. Однако опоздал, и Ооги-тян увидела подпись через моё плечо.

— О? Вы ведь сейчас не писали своё имя, так? Как странно. Как загадочно. Что же нам делать? Почему ваш учебник здесь? Вы пронесли его сюда, пока я не заметила? Нехорошо, Арараги-сэмпай. Сюда ведь запрещено приносить вещи, — проговорила Ооги-тян своим обычным строптивым тоном. — Шучу, это же не экзамен какой-нибудь. Хаха, не думаю, что есть такие правила.

Экзамен. Точно, экзамен. Раз за разом слова Ооги-тян продолжают подталкивать мою память. Будто иглы. Не иглы розы, иглы дикобраза.

— Ооги-тян, неужели... ты что-то знаешь об этом? — спросил я в отчаянии.

— Я не знаю. Знаете вы, Арараги-сэмпай. Например...

Ооги-тян потянулась к соседнему столу, легко достала учебник, развернула его и прочитала подпись: «Первый год, класс три, Тойсима».

— Вы знакомы с этой Тойсима-сан?

— Да... вроде бы.

Я знал её.

Тойсима Суйсэн. Все звали её Суи. Думаю, она посещала клуб икэбаны. Она легко смеялась — что бы она ни слушала или говорила, она постоянно улыбалась. Улыбаться с открытым ртом не особо женственно, поэтому подруги её часто поддразнивали. Однако её тёплая улыбка была довольно популярна среди парней. Высоко ценилась даже у учителей. Я слышал, она была особенно любима учителями, над чьими шутками она весело смеялась. Помню, она была очень капризна к перемене мест. Четвертая парта от доски и второе от входа — для неё «неприемлемо» принять такое место «сейчас». Как ни посмотри она осталась недовольна — на расположенное рядом со мной место она уселась с сердитым выражением на лице. Пока я сидел растерянный своей удачей, ко мне пришло осознание, что я сижу на крайнем ряду, и это позволит мне беспрепятственно слушать её весёлый смех.

— Она заплетала волосы... прямо как в каталогах с причёсками, которые любят полистать мои сёстры. Знаю, заплетать их должно быть не так просто, и каждое утро меня интересовало, насколько же тяжело ей делать это каждый день. Но в итоге я так с ней об этом и не поговорил...

— Отлично, много знаете. О Тойсима-сан.

— Не... все в классе знали это. Я...

Я ничего не знаю. Как и ожидалось.

В «то, чего я не знаю» входит целая бездна мне неизвестного.

— Ну что ж, а как насчёт Фукадо-сан? Что за человек сидел за этим столом?

Ооги-тян, похоже, решила проверить имя, подписанное на учебнике. До этого мы не касались этой темы. Ну, в этом ничего особенно странного. Что Ооги-тян до этих имён.

— Фукадо Симоно. Она из тех, кто стараются не напрягать других. Думаю, она была очень безобидна. Рисовала безумно искусные картины. Я хочу сказать, она постоянно пыталась быть милой. Она смотрела только аниме и украшала волосы всякими штучками. Мне часто советовали держаться от неё подальше, но, когда она посмотрела на меня немым взглядом, выражающим «чем я так напугала тебя?», я тут же понял, что мне нечего ей ответить. Она получила низкие оценки за экзамен специально, только потому что думала, будто люди, которые много занимаются, не милые. Она не притворялась невинной, но создавала такое впечатление. Думаю, работа её мечты была «мама». Ну, наверное, «невеста» звучит более женственно. Даже такой дурень, как я, понимает это. Думаю, это действительная её мечта. Но сколько я её знаю, её улыбка никогда не показывалась в её глазах.

Блин. Много наговорил. Язык сам собой задвигался. Будто вода реки, сдерживаемая дамбой,

вмиг вырвалась на волю. Даже если я не в состоянии забыть, болтать об этом не стоит.

Хоть я и принял решение.

Мне интересно почему — почему класс, в котором я провёл свой первый год учёбы оказался здесь? Прямо перед шестью вечера. Без двух минут шесть. Прямо перед закрытием школы. Не могли вернуться домой.

Ни один не мог выйти из класса.

— Ооги-тян, здесь есть где-нибудь дата?

— Дата?

— Да. Сегодняшняя, нет, я хочу знать, какой день какого месяца сейчас в этом классе.

— Тогда посмотрите на доску. Тут ведь уже всё написано.

Ооги-тян в третий раз вернулась на своё место позади меня и наклонилась, приложив свою голову к моей. Затем, обвив рукой мои плечи, другой девушка указала на доску. В правый угол. И почему я не заметил даты, написанной вместе с именем дежурного?

Пятнадцатое июля. Среда. Маридзуми и Кома.

— Ну что ж. Сейчас пятнадцатое июля, значит? Тогда понятно, почему за окном светло. Хехех, моё предположение было верно, не так ли? Выходит, в этом классе, третьем классе первогодок, что-то произошло около шести вечера в среду, пятнадцатого июля. Негативные эмоции, которые родились в этот день, приняли форму странности, — изложила очевидный вывод Ооги-тян. Я хотел было запротестовать, всё не настолько очевидно, но не смог. Причиной тому было, что я не захотел кричать на свою кохай, но приняв все возможности, мне подумалось, что, наверное, Ооги-тян ударила прямо в яблочко.

Это так раздражало, потому что было так очевидно. Понятия не имею для чего теперь используется класс, но класс 3-1 располагался прямо по середине пятого этажа школьного здания, обращённого к спортзалу, и прямо перед закрытием школы пятнадцатого июля в нём проводилось школьное собрание. Это было разбирательство и в то же время классное собрание. Собравшись вместе обсудить некое дело, мы начали спор. Ученики начали доказывать свою невиновность и переводить на других. Некоторые бросались обвинениями, другие воспользовались правом хранить молчание. Было предложено предоставить доказательства, и многие из них оказались ложными. И я, Арараги Коёми, испытывал на сердце дикий шторм. Точно.

Разве не с этого дня?

Я начал говорить: «Мне не нужны друзья. Друзья для слабаков».

Ооги-тян читала мои мысли слово в слово. Словно она стояла на моём пути к побегу. Словно она загнала меня в угол. Её лицо приблизилось к моему ещё ближе. Теперь мы едва ли не тёрлись щеками. «Близко» больше не подходит под описание этого расстояния — её маленький подбородок лежал на моём плече.

— Разве это не ваша любимая фраза, Арараги-сэмпай? Хотя после развития отношений с Ханэкавой Цубасой вы, похоже, больше не произносили её. Ну-у, встречи с людьми действительно меняют характер, не так ли. Что ж, дайте мне удовлетворить любопытство. Как вы изменились в этом классе? Фукадо-сэмпай, Тойсима-сэмпай, Кома-сэмпай, Маридзуми-сэмпай — как встреча с этими личностями изменила вас?

— Изменила... меня...

— Я слышала, ваш характер сильно изменился в старшей школе. Может быть причину этого мы найдём в этом классе?

Каковы шансы... услышать такое? Нет, люди знают то, что они знают. Однако раскрыть такую информацию могли лишь, наверное, Огненные сёстры.

— Что-то случилось, Арараги-сэмпай. В этот день. В этот момент, — прошептала Ооги-тян мне

на ухо тоном, вколачивающем меня в стену.

Её рука обвиняла мою шею, и я чувствовал, будто меня душат. И ощущая удушье, нормальные люди говорить не смогут, так же?

— Давайте поговорим, Арараги-сэмпай, Арараги Коёми, — прошептала Ооги-тян. Выделяя каждый слог. — Если заговорите, я отпущу вас. Какими приставучими не были воспоминания, когда вы их расскажите, это станет просто очередной историей.

— История...

— Всё хорошо. Я выслушаю. Несмотря на свой вид, я довольно дружелюбна.

Даже посреди всего этого я пытался сохранять спокойствие. Даже в такой ситуации я не хочу показывать своей кохай ошибки своего прошлого. Серьёзно. Что за ничтожный я человек.

— ...не могли уйти.

— Что?

— Мы не могли уйти из класса. Пока не найдём преступника, мы не могли покинуть класс. У нас был — нас заставили остаться на классное собрание. Это невообразимо... но... я... был председателем этого собрания.

006

Если говорить о том, каким был Арараги Коёми в первом классе старшей школы, то он был куда самодисциплинированней, куда осознанней и нормальней, чем нынешний. Тогда его ещё не кусал вампир, и он был стопроцентным человеком в любое время дня и ночи.

Ну а школа, в которую я сейчас хожу и в которую перевелась Ооги-тян, частная старшая школа Наоэцу, была приличным местом, подготавливающим подростков в вузы. Мы занимались по субботам, так что среднестатистической эту школу тоже назвать трудно. И уровень вступительных экзаменов соответствующий. Наверное, можно назвать чудом, что такой как я, смог пробиться — или чудо это слишком сильно? Думаю, вернее то, что я прошёл по какой-то нелепой ошибке. Однако я дорого заплатил за эту «ошибку» — в мгновение ока осознал, что не успеваю ни за одним курсом обучения, проводимым в Наоэцу. С первого же года обучения занятия неслись, устремившись на сдачу экзаменов в университет, что повергло меня в немалый шок. Но с поступления (даже если произошла какая-то ошибка), от которого я уже готовился к худшему, мне оставалось лишь цепляться изо всех сил. Да, перед концом первого семестра, пока не начались летние каникулы. Или лучше сказать сразу до сдачи итоговых контрольных в семестре? Ну, в общем, после школы пятнадцатого июля.

Пятнадцатое июля. С этого дня я открыл своё истинное лицо и перестал быть прилежным студентом — я решился на падение в хулигана, на что мне потом указала Ханэкава Цубаса. На самом деле я просто стал разгильдяем, и даже если бы в этот день ничего особенного не случилось, я бы и сам вскоре всё забросил.

В любом случае, в то пятнадцатое июля два года назад, впрочем, так же, как и в нынешнее, я пропустил мимо ушей все уроки (я и не пытался вникать. Даже учебники не брал), а затем смертельно уставший стал собираться домой. «Уже скоро каникулы, уже скоро каникулы, уже скоро каникулы», — повторял я, будто заклинание. Но если вспомнить о количестве домашнего задания на эти каникулы, то расслабляться тоже не лучшее решение.

Первый семестр с горем пополам продержался, но только подумаю, что так будет до самого выпускного, и тошно становится. На самом деле первый семестр для меня ещё не закончился в тот момент, я не мог проскочить его до самого конца.

Тень. Тень преградила мне путь, когда я шёл по коридору, — их было трое. Я был изнурён, хоть и внутренне, потому заметил их в самый последний момент и едва не налетел на них.

— Арараги, — позвали меня, и я наконец поднял опущенную голову — передо мной стояло трое моих одноклассниц.

— Можно тебя ненадолго? — говорила со мной Арикурэ — Арикурэ Бива.

В девушке чувствовалось что-то недоброе, и мне очень хотелось как-нибудь отказать ей. Если честно, она из того типа девушек, с которыми трудно иметь дело, — думаю, наверное, во всей школе не найти ни одного парня, который бы ладил с ней. Она постоянно держит руки в карманах юбки, но это не из желания выглядеть круто и агрессивно, скорее для защиты — если она вынет руки из карманов, то окажется, что обе её кисти закрывают перчатки. Она, вроде бы, мечтает стать пианисткой — сплетники говорят, что у неё характер не лежит к музыке, тем не менее выступления у Арикурэ проходят превосходно. Я сам не слышал, это лишь слухи, но слухи это, думаю, недалеко от правды.

В любом случае меня в таком измученном состоянии остановила эта трудная девушка — ситуация нелёгкая.

— У меня там дела дома есть...

— Какие это. А мы для тебя никто? — наехала она на меня.

Я-то так не считаю, но наверняка ей послышалась издёвка в моём ответе. У меня так постоянно, что тогда, что сейчас.

Одна из двух девушек, стоящих позади Арикурэ — интересно, её «Арикуй» не называют — Кидзикири безмолвно стояла, даже особо не глядя на меня, будто о чём-то сильно задумалась. Она та ещё. Всё в своём темпе, спокойно — временами она зачем-то задерживалась в классе после занятий, временами без причины прогуливала. Жизненная позиция Кидзикири Хоки до странного подчинена её сиюминутным желаниям — она словно живёт в другом мире. Поэтому я так удивился. Если уж она помогает Арикурэ задержать меня, то без усилий тут из положения не выпутаться.

— Нет, мне правда нужно поскорее домой. Это мой долг. Вернуться домой одна из трёх моих главных обязанностей. Расскажу по секрету, моя сестра-пятиклассница влезла в крупную драку, хотя, точнее она её устроила, и сейчас, боюсь, как бы всё не стало совсем плохо.

— Что? Может хватить нам мозги пудрить? Это просто отвратительно, — сказала Арикурэ, будто это её сильно задело.

Ну, в то время мои младшие сёстры, которых я должен любить, ещё не были известны как «Огненные сёстры из Цуганоки», потому мои слова казались наглым враньём.

— Ну-ну, успокойся, — утихомирила Арикурэ третья девушка, Тоонэ.

Хотя её «ну-ну» звучало скорее как приказ, чем как попытка примирения.

— Арараги-кун, прости пожалуйста, что отвлекаем, но не мог бы ты вернуться с нами в класс? Думаю, это займёт не так много времени. Ты нас очень выручишь.

Займёт не так много времени. В итоге эти её слова обернулись ложью, однако врать она не собиралась. Тоонэ Дзику. Её все зовут засахаренная. Но не засахаривание мёда, а покрытие глазурью (что забавно, в третьем классе первоодок есть парень с фамилией Хигума). Она была улыбчива, дарила улыбки окружающим и просто освежала атмосферу вокруг. Её фамилия и прозвище намекают на любителя сладкого, но сладким она не ограничивается — Тоонэ любительница вкусно поесть. Для окружающих она всегда выглядела радостно, но как девушка сама утверждает, самую большую радость она испытывает во время еды — Тоонэ завсегдатай байкингу.

Ну, мы проучились вместе целый семестр, так что кое-что про этих троих я знаю, однако никогда не слышал, чтобы они тесно общались. Наверное, я вообще впервые вижу их троих вместе?

Интересно, что вообще могло привести к такому. Пока я раздумывал над этим, Арикурэ прервала моё оцепенение, раздражённо бросив:

— Раздуплись уже, Арараги. Определись идёшь ты или нет. Мне лично без разницы.

— Иду. Я, похоже, должен пойти.

Будь у меня хоть чуточку больше разума, я бы ни за что не пошёл с ними — тревожная атмосфера уже явно чувствовалась во всем этом. Но тогда я ещё не отказался от своей школьной жизни. «Почему эти трое?» — поражался я, однако теперь понимаю, что это был весьма умелый выбор. Грубая, пробивная Арикурэ размещена на фронте, в арьергарде закрытая, молчаливая Кидзикири, а тыл укрепляет мягкая Тоонэ, хорошо подготовленный боевой строй. Чтобы я ни выбрал, вся моя последующая школьная жизнь пошла бы прахом, однако у меня просто не было иного выбора, как пойти с ними.

Мы вернулись в класс, в третий класс первоодок на пятом этаже школьного здания, стоящего напротив спортзала. Перед дверью стояло двое, ожидая нашего прибытия. Двое учеников. Парень и девушка — первый сейчас мне не важен. Проблема в девушке, которая глядела на меня с откровенной враждебностью. Пронзающий взгляд, словно мы с ней кровные враги, упёрся мне в спину.

Девушку зовут Оикура Содачи. Сама она хотела бы, чтоб её звали Эйлер, но на самом деле все зовут её «how much». Конечно, прозвище пошло от её имени, но она постоянно так на всех глядит, будто оценивает, так что, думаю, это прозвище очень ей подходит. Ну, всё равно мы с ней не в тех отношениях, чтобы называть друг друга по прозвищу — мы скорее даже враждуем. Содачи — староста класса. Сейчас слова «староста» ассоциируются (у меня) лишь с одним человеком на Земле — Ханэкавой Цубасой, но тогда слава Ханэкавы ещё не гремела, так что я обратился к девушке:

— Староста Оикура.

В такой атмосфере трудно заговорить по-простому.

— Зачем ты сюда меня позвала?

— Заходи быстрее, все тебя ждут, — проговорила она ледяным тоном и вошла внутрь.

Парень последовал за ней. Кстати, он помощник старосты и зовут его Сюй Цуума. Примерный ученик школы Наоэцу, как если бы рассудительность приняла человеческое обличье. Как по мне он бы больше подходил на роль старосты, вместо Оикуры, которая только напрягает своими взглядами, однако сам Сюй говорит, что он бюрократ, и лучше будет на месте помощника, чем лидера. Не очень осознаю, что такое школьник-бюрократ, но весь первый семестр он следовал в тени за Оикурой, поддерживая её лидерство в классе. Думаю, это его своеобразный талант. Однажды я встретил его в игровом центре и увидел, какие поразительные движения он выдавал на танцевальном автомате. У меня появилось чувство, что я подсмотрел его тайную сторону жизни, и с тех пор уже не могу спокойно к нему относиться. Заметил даже, что стал избегать ссор с Оикурой, чтобы не тяготить его проблемами. С другой стороны, он обо мне самом ничего такого не думает...

— Эй, Арараги. Сказали же заходить. Входи, — подтолкнула меня Арикура.

Я пожал плечами и вошёл в класс. Оикура мне не ответила, но привести меня этим строем сказала всё же она. А сама не пошла, потому что тогда мы опять поругаемся или чтобы сохранить своё достоинство?.. В любом случае выбор она сделала мастерский, соглашусь. Но слова Оикуры о том, что все меня ждут напрягают — как это понимать? Я что, какой-то герой, которого все только и ждут? И кто эти «все»?

Зайдя в класс, я понял, что «все» это буквально «все» — внутри находился весь без исключений третий класс первоодок в полном составе.

007

— Ого. Все? В полном составе, значит, — повторила за мной Ооги-тян. — Сейчас класс совершенно пуст, но тогда на каждом стуле кто-нибудь сидел? Понятно-понятно. Как летит время, но спустя десятки лет попали туда же.

— Ага... стой, два года всего, а не десять. Ну, если углубляться в детали, то, когда меня привели,

было не занято три места. Сюй тогда сел за свою парту, а Оикура встала на место учителя.

— Прямо на стол?

— Оикура не настолько эксцентричная. И вот, встала она за учительский стол и сделала объявление: «Так, все дезертиры возвращены, мы начинаем экстренное классное собрание».

— Дезертир это как-то слишком строго... жёсткий человек эта Оикура-сэмпай. Слова весёлого не скажет. Она все три года здесь учится?

— Да, все три, только...

Говорить об этом не хотелось, потому конец предложения получился скомканным. Я вернулся к начальной теме разговора — воспоминаниям бывшего.

— Экстренное классное собрание. Только Оикура обладает достаточной харизмой, чтобы устроить такое после уроков без предупреждения.

— Хм-м... но забавно. Вы, Арараги-кун, до самого конца не знали о собрании? Потому за вами отправили людей и объявили дезертиром?.. Почему вы не знали?

— Просто пропустили, когда объявление передавали... наверное. В тот день весь класс оповестили через знакомых, запиской или по емейлу... но до меня информация не дошла.

— Э? Это как-то...

Впервые с лица вечно беззаботной Ооги-тян пропала улыбка. Выражение лица девушки стало отстранённым. Её кожа и так белоснежна, а когда лишается красок, то становится совсем белой. Прямо эталон бледности.

— Вы, как сейчас говорится, аутсайдер?..

— Эй-эй. Не надо говорить подобных слов при самих людях.

— Не надо видеть в каждом слове укол вашим раздувшимся комплексам. Раньше вы же сами говорили «друзья делают сильного человека слабее» и всё в таком духе, Арараги-кун. Выходит, у вас просто не было друзей?

— Ты немного не так понимаешь.

Совсем не так понимает.

— Ооги-тян, эта история о том, как человек без друзей перестал их хотеть.

— Речь аутайдера, — проговорила Ооги-тян с серьёзным лицом.

Она была по-прежнему бледна, и тон её не выдавал ни капли сочувствия. Чувствовалось скорее даже презрение — куда подевалось всё почтение к сэмпай?

— Грустно, когда нет друзей.

— Хватит корить меня...

— Тогда не говорите, будто всё в жизни понимаете. Ладно, расскажите всё чётко. О том экстренном собрании. Какая же была тема этого собрания?..